

ГОМЕР
ИЛИАДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.14
ББК 84(0)3
Г64

Серия «Библиотека античной литературы»

Перевод с древнегреческого *В. Вересаева*

Обложка, нахзац: *В. Половец*

Форзац: *Е. Лазарева*

Внутренние иллюстрации *К. Гонтъе*

Иллюстрации на заставках *В. Лебедевой*

Текст печатается по изданию:
Гомер. Илиада. М.: Государственное издательство
художественной литературы, 1949

Гомер.

Г64 Илиада : [поэма] / Гомер ; [перевод с древнегреческого
В. Вересаева]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. :
24 илл. — (Библиотека античной литературы).

ISBN 978-5-17-187241-0

Это история о временах мифов и легенд, когда великие герои совершали не менее великие подвиги, а олимпийские боги раз за разом вмешивались в дела смертных.

Уже десятый год идет развязанная богами Троянская война. У стен Илиона сошлись герои с обеих сторон. Нет числа подвигам Ахиллеса и Одиссея, Аякса и Диомеда, Гектора и Париса, Сарпедона и Энея, но решающая победа ускользает и от троянцев, и от ахейцев. И вот в греческом стане вспыхивает раздор. Один из величайших героев Ахиллес, сын морской нимфы Фетиды, чувствует себя оскорбленным действиями микенского царя Агамемнона и отказывается участвовать в сражениях. Воспользовавшись замешательством врага, троянцы устраивают отчаянную вылазку и подбираются вплотную к греческому лагерю. Чувствуя, что поражение неминуемо, друг Ахиллеса Патрокл надевает доспехи героя и ведет ахейцев на бой под видом сына Фетиды...

В этой книге знаменитая поэма Гомера приводится в переводе известного русского писателя и литературоведа Викентия Вересаева. Подарочное издание сопровождается красочными иллюстрациями французского художника Клемана Гонтъе.

УДК 821.14
ББК 84(0)3

Предисловие переводчика

У нас есть два полных перевода «Илиады», читаемых и сейчас. Один старинный (десятых—двадцатых годов прошлого века) — Гнедича, другой более новый (конца прошлого — начала нашего века) — Минского.

Перевод Гнедича — один из лучших в мировой литературе переводов «Илиады». Он ярко передает мужественный и жизне-радостный дух подлинника, полон того внутреннего движения, пафоса и энергии, которыми дышит поэма. Но у перевода есть ряд недостатков, делающих его трудно приемлемым для современного читателя.

Главный недостаток — архаический язык перевода. Например:

Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коиx по влажному лугу при блате обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них; но юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву...

Перевод перенасыщен церковнославянскими словами и выражениями, пестрит такими словами, как «дщерь», «рек», «вещал», «зане», «паки», «тук», вплоть до таких, современному читателю совершенно уже непонятных, слов, как «скимен» (молодой лев), «сулица» (копье), «глезна» (голень) и т. п.

Гнедич, далее, старается придерживаться в своем переводе «высокого слога». Вместо «лошадь» он пишет «конь», вместо «собака» — «пес», вместо «губы» — «уста», вместо «лоб» — «чело» и т. п. Он совершенно не считает возможным передавать в неприкосновенности довольно грубые подчас выражения

Гомера. Ахиллес ругает Агамемнона: «пьяница, образина собачья!» Гнедич переводит: «винопийца, человек псообразный!» Елена покаянно называет себя перед Гектором «сукой», «бесстыдной собакой». Гнедич стыдливо переводит: «меня, недостойную».

Перевод Минского написан современным русским языком, но чрезвычайно сер и совершенно не передает духа подлинника. Минскому более или менее удаются еще чисто описательные места, но где у Гомера огненный пафос или мягкая лирика, там Минский вял и прозаичен.

Когда новый переводчик берется за перевод классического художественного произведения, то первая его забота и главнейшая тревога — как бы не оказаться в чем-нибудь похожим на кого-нибудь из предыдущих переводчиков. Какое-нибудь выражение, какой-нибудь стих или двестише, скажем даже, — целая строфа переданы у его предшественника как нельзя лучше и точнее. Все равно! Собственность священна. И переводчик дает свой собственный перевод, сам сознавая, что он и хуже, и дальше от подлинника. Все достижения прежних переводчиков перечеркиваются, и каждый начинает все сначала.

Такое отношение к делу представляется мне в корне неправильным. Главная все оправдывающая и все покрывающая цель — максимально точный и максимально художественный перевод подлинника. Если мы допускаем коллективное сотрудничество, так сказать, в пространстве, то почему не допускаем такого же коллективного сотрудничества и во времени, между всею цепью следующих один за другим переводчиков?

Все хорошее, все удавшееся новый переводчик должен полною горстью брать из прежних переводов, конечно, с одним условием: не перенося их механически в свой перевод, а органически перерабатывая в свой собственный стиль, точнее, в стиль подлинника, как его воспринимает данный переводчик.

Игнорировать при переводе «Илиады» достижения Гнедича — это значит заранее отказаться от перевода, более или менее достойного подлинника.

В основу своего перевода я кладу перевод Гнедича везде, где он удачен, везде, где его можно сохранять. «Илиада», например, кончается у Гнедича таким стихом:

Так погребали они конеборного Гектора тело.

Лучше не скажешь. Зачем же, как Минский, напрягать усилия, чтоб сказать хоть хуже, да иначе, и дать такое окончание:

Так погребен был троянцами Гектор, коней укротитель.

Многие стихи Гнедича я перерабатывал, исходя из его перевода. Например:

Гнедич:

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вои;
Но едва аргивянам в лице он воззревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно, смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.

Новый перевод:

Долго, покуда эгиду держал Аполлон неподвижно,
Тучами копья и стрелы летали, народ поражая.
Но лишь, данайцам в лицо заглянувши, потряс он эгидой,
Грозно и сам закричав в это время, — в груди у ахейцев
Дух ослабел, и забыли они про кипящую храбрость.

(XV, 318)

Подавляющее большинство стихов, однако, написано заново, — в таком, например, роде. Приам в ставке Ахиллеса молит его отдать ему тело убитого Гектора.

Гнедич:

Храбрый, почти ты богов! Над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея-родителя! Я еще более жалок!
Я испытаю, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Новый перевод:

Сжался, Пелид, надо мною, яви уваженье к бессмертным,
Вспомни отца твоего! Я жалости больше достоин!

Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный:
Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!

(XXIV, 503)

Я считал возможным вносить в перевод также отдельные удачные стихи и обороты Минского. И если от заимствований качество перевода повысится, то этим все будет оправдано.

Очень труден вопрос о степени точности, с какою следует переводить поэму, написанную три тысячи лет назад. В общем мне кажется, что прежние переводчики слишком уж боялись чрезмерной, по их мнению, близости к оригиналу, уклоняющейся от наших обычных оборотов речи. У Гомера, например: «Что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели!» Переводчики предпочитают: «Что за слова из уст у тебя излетели!» Предпочитают «гнева в груди *не сдержавши*» вместо гомеровского «не вместивши», «лишь тогда б ты насытила злобу» вместо «исцелила свою злобу».

Слово *thymos* (дух) и *psyche* (душа) безразлично переводятся то «дух», то «душа». Между тем у Гомера это два понятия, совершенно различные. «Тимос» (дух) — совокупность всех духовных свойств человека, «психе» (душа) — это заключенная в человеке его тень, призрак, отлетающий после смерти человека в царство Аида, грустное подобие человека, лишенное жизненной силы, настолько лишенное, что, например, душа Патрокла, явившаяся во сне Ахиллесу, способна выразить свою грусть от расставания с другом только писком (XXIII, 101).

Приветствуя друг друга, эллины говорили: *chaire* — «радуйся, будь радостен», где мы говорим «здравствуй, будь здоров». Как переводить это слово — «радуйся» или «здравствуй»? Когда эллинские посланцы приходят к Ахиллесу, он приветствует их словом *chairete* — «радуйтесь!». Но ахейцы разбиты, Гектор у их кораблей, Ахиллес помочь не хочет, чему же тут радоваться? Тем не менее, по-моему, все-таки нужно переводить «радуйтесь». Незнающий пусть из примечания узнает, что «радуйтесь» соответствует нашему «здравствуйте». Но слишком для эллин-

ского жизнеотношения характерно, что при встречах они желали друг другу радости, и стирать в переводе эту черточку нельзя. То же и с излюбленным у Гомера словом *philos* — «милый». «Милым печалуюсь сердцем», «утомились его милые ноги» и даже: «печалится мое милое сердце». Собственно говоря, слово *philos* здесь значит просто «свой, собственный». Однако в постогомеровское время слово в этом смысле уж не употреблялось, а для гомеровского времени характерен именно этот оттенок: свое сердце — милое сердце, как города — благоданные, тело — прекрасное, колесница — искусно сделанная и т. д.

И вообще, мне кажется, можно держаться ближе к подлиннику гораздо чаще, чем это делают прежние переводчики, как бы нам ни казались чуждыми и необычными эпитеты и обороты Гомера. Он часто, например, употребляет выражение «однокопытные кони», как будто бывают и двукопытные кони; «увидел глазами»; боги делают герою легкими «ноги и руки над ними». Гомер иногда употребляет прием, носящий название «*hysteron — proteron*» (более позднее — более раннее). Герой, встав от сна, надевает плащ и хитон, хотя, конечно, он надевает раньше хитон (рубашку), а потом уже плащ. Нимфа Калипсо надевает на Одиссея новое платье и делает ему ванну. Конечно, ванну она делает раньше.

Когда мы читаем в каком-нибудь рассказе: «Иван Петрович подошел к столу. Он был очень весел» — мы почитаем себя обязанными спросить: «Кто был весел — стол?» Гомер очень часто употребляет слова «он», «она», «они», когда по смыслу ясно, о ком идет речь, хотя желающий может задать вопрос, подобный вопросу о столе. Я в этом случае считал возможным следовать Гомеру.

Однако идти в точности перевода до конца я не решился. Для Гомера, например, седалищем всех душевных и умственных свойств человека является не мозг, а сердце, еще точнее — грудобрюшная преграда (*phrenes*). Может быть, это отсутствие нужной дерзости, но у меня не поднялась рука переводить: «гнев охватил его грудобрюшную преграду» или: «я радуюсь всею своею грудобрюшною преградою».

О транскрипции собственных имен. В общем, я старался передавать их в соответствии с оригиналом, но имена, уже получившие у нас право гражданства и ставшие для всех обычными, я оставил в прежней транскрипции: Ахиллес (а не Ахиллей), Гекуба (а не Гекаба), Аякс (а не Аянт), Калхас (а не Калхант). Так же в подготовляемом переводе «Одиссеи»: Цирцея (а не Кирка), циклоп (а не киклоп) и т. д.

То же с ударениями. Правильно было бы: Апóллон, Диóнис, Прíам, Менéлай, Пáрис и т. д. Я сохранил ударения, ставшие для нас уже обычными.

К пониманию событий, о которых рассказывают «Илиада» и «Одиссея»

У богов был свадебный пир: выдавали «серебряную» богиню Фетиду, дочь морского старца Нерея, за смертного человека Пелея, царившего над народом мирмидонцев во Фтии, на севере Греции. Случай совершенно необычный. У богов и богинь были нередко мимолетные любовные связи со смертными женщинами и мужчинами. Но чтобы богиню выдавали замуж за смертного человека — этого не бывало. Однако к тому были основательные причины. Фетидой увлекались сам царь богов, громовержец Зевс, и его брат Посейдон, владык морей. Существовало предсказание, что сын, родившийся от Фетиды, будет много сильнее своего отца. Греческие боги были далеко не всемогущи. Выше их стоял темный, безличный рок, и его решений боги не имели возможности отменить. Чтобы сделать для себя безопасным будущего сына Фетиды, они и выдали ее замуж за смертного. Существо, только более сильное, чем смертный человек, для богов не было опасно. А сильного бога у них были очень основательные причины бояться. Зевс сам воцарился над миром, свергнув с помощью братьев и сестер отца своего Крона и заключив его в подземный Тартар. Крон в свою очередь воцарился, свергнув отца своего Урана, первоначального владыку мира.

На свадебный пир были приглашены все боги, за исключением Эриды, богини вражды и раздора. Причина понятна. Эрида обиделась. В середине пира вдруг дверь открылась, и Эрида с порога покатила в пиршественный зал золотое яблоко с над-

писью: «прекраснейшей». За яблоко возник жестокий спор между тремя богинями: царицей Герой, женою Зевса, Палладой Афиной, богинею мудрости, и Афродитою, богинею любви и красоты. Каждая требовала яблоко себе, как наиболее прекрасной. Поладить не смогли и обратились за решением спора к красавцу-царевичу Парису, сыну троянского царя Приама. Он в это время пас стада на Гаргаре, одной из вершин горы Иды близ Трои. Обе стороны сразу повели дело начистоту. Гера обещала Парису власть и богатство, Афина — мудрость и славу, Афродита — любовь самой красивой в мире женщины. Парис подобный способ решения спора нашел вполне естественным и стал взвешивать не то, какая из богинь наиболее прекрасна, а то, какое из обещаний наиболее заманчиво. И присудил яблоко Афродите.

На юге Греции, в знаменитой впоследствии Спарте, царствовал Менелай Атрид (то есть сын Атрея). Он был женат на Елене, дочери Леды. Отцом Елены был сам царь богов Зевс, явившийся к Леде в виде прекрасного лебедя. Эта-то Елена, жена Менелая, и была прекраснейшею женщиною во всем мире. Парис приехал в качестве гостя к Менелаю. Афродита зажгла Елену страстью к Парису, и он увез Елену на своих кораблях вместе со всеми ее сокровищами к себе в Трою. Троя (или Илион) была столицею богатой троянской страны, расположенной на северо-западной оконечности Малоазиатского полуострова, при впадении Геллеспонта (ныне Дарданельский пролив) в Эгейское море.

Похищение Парисом Елены повело, по греческим сказаниям, из которых черпал Гомер, к продолжительной войне греческих народов с Троей, окончившейся разрушением Трои. Троянская война не выдумка, она была действительно, но вызвана она была, конечно, не похищением красивой женщины. Причина войны греческих народов против Трои лежала в благоприятном торговом положении Трои на путях из Европы в Азию, положении, сильно тормозившем торговлю Греции. Это-то и побудило многочисленные мелкие государства Греции, постоянно между собою враждовавшие, объединиться в общую армию

и пойти походом на Трою. Нападение же Греции в свою очередь побудило соседние с Троей государства — Ликию, Фракию, Пафлагонию, Мисею и др. — присоединиться союзниками к Трое и вместе с нею бороться с вторгшимся греческим войском. Нужно кстати заметить, что в то время греки еще не назывались греками. Гомер называет их ахейцами, данайцами или аргивянами.

Братом Менелая был Атрид Агамемнон, царь «многозлатных» Микен, самый могущественный и богатый из всех ахейских царей. Он горячо откликнулся на обиду, нанесенную Парисом его брату. Откликнулись и другие цари. После долгих сборов ахейская армия собралась у порта Авлиды в количестве около ста тысяч человек. Ополчением каждого царства командовал его царь, а главнокомандующим был избран Агамемнон. Из других предводителей особенно выдавались следующие: Диомед Тидид (сын Тидея), царь Аргоса, самый привлекательный из всех ахейских героев, великодушный, рыцарски благородный, всегда бросающийся в самые опасные места, не боящийся вступать в бой даже с богами; «Великий Аякс», сын Теламона, царя саламинского, огромный, чудовищной силы. Брат его Тевкр был самым лучшим в войске стрелком из лука. Был еще другой Аякс, сын Оилея, предводитель легковооруженных локров, сражавшихся луками и пращами, быстрый на ноги. Часто оба Аякса сражались рядом, плечом к плечу. Самым мудрым и опытным военным советником был старец Нестор, царь песчанистого Пилоса. Сын его Антилох блистал среди молодежи своею удалью. Со «стоградного» Крита привел восемьдесят кораблей с бойцами могучий копьеборец Идомоней. В ахейском войске находился славный стрелок из лука Филоктет, друг Геракла (Геркулеса); умирая, Геракл подарил Филоктету свой лук со смертоносными отравленными стрелами. Одним из самых выдающихся среди вождей ахейского войска был «многохитрый» Одиссей, сын Лаэрта, царь небольшого каменистого острова Итаки, к западу от греческого материка, «стойкий в бедах», отважный воин и умный, находчивый вождь, способный на самые хитрые выдумки.

Таким образом, армия была многочисленная, вожди ее — храбрые и опытные. Но оракул предсказал, что Трои ахейцы не возьмут, если в походе не будет участвовать Ахиллес, сын Пелея и Фетиды, — тех самых, на свадьбе которых произошла ссора трех богинь за золотое яблоко. Фетиде было известно, что судьбою Ахиллесу предназначено на выбор: либо до глубокой старости прожить в полном благополучии и спокойствии в родной Фтии, либо погибнуть в бою молодым, но получить великую славу. Чтобы уберечь сына от ранней смерти, Фетида скрыла Ахиллеса на острове Скиросе среди дочерей тамошнего царя Ликамеда одетым в женское платье. Многохитрый Одиссей взялся отыскать Ахиллеса. Переодетый купцом, он прибыл на Скирос, разложил перед дочерьми Ликамеда разные женские украшения, а среди них — щит и копье. Вдруг под окнами раздалась боевые клики, звон оружия, стоны. Это Одиссей поручил своим спутникам разыграть под окнами как будто нападение врагов. Девушки вскочили и убежали, а Ахиллес схватил щит, копье и бросился в битву. Таким образом он был узан; Одиссею не стоило большого труда уговорить его присоединиться к походу.

Тут в легенде некоторая хронологическая неувязка. Парис похитил Елену очень, конечно, скоро после произнесенного им приговора, когда Ахиллес даже не успел еще родиться. А на войну Ахиллес отправился уже вполне сложившимся воином, превосходившим силою, отвагою, быстротою в беге и прочими воинскими доблестями всех ахейцев и троянцев. Выходит, сборы ахейцев в троянский поход продолжались двадцать, по крайней мере, лет. Немножко долго. Ахейцы отплыли из Авлиды к Трое на тысяче ста восьмидесяти шести кораблях. Троя лежала километрах в пяти от морского берега, на месте теперешнего турецкого местечка Гиссарлык. Ахейцы вытащили корабли на сушу и расположились станом у моря. Осады города не было. Троянцы выходили из города и сражались с ахейцами на широкой равнине, тянувшейся от Трои к берегу. Ахейцы делали частые набеги на соседние города и ближние острова, грабили их и опустошали.

Сражались медным оружием. Копья, мечи, щиты, панцири, шлемы — все было из меди. Железо уже было известно, но плавить его и ковать еще не умели, а обрабатывали холодным способом: сверлили, шлифовали. Гомер называет железо «трудным для выделки». Рядовые воины сражались пешими. Предводители и вообще знатные люди — на колесницах. Колесницы были двухколесные, открытые сзади, с поручнями вдоль передка. Правил возница, но это был не «служитель», не «кучер», а товарищ и обыкновенно близкий друг бойца. Сражался боец с колесницы, но часто для боя он соскакивал наземь и сражался пеший, а возница с колесницей ждал в отдалении на случай преследования врагов или бегства от них. Пикою сражались рукопашно, однако чаще метали ее во врага с некоторого расстояния. Метали также подхваченные с земли большие камни, стреляли из луков и пращей. С убитого победитель тут же, среди боя, спешил снять в качестве трофея его вооружение и нередко падал в это время сам под ударами товарищей убитого.

Царем Трои был Приам, сын Лаомедонта. Он был уже очень стар. Командовал троянскими войсками его старший сын Гектор, самый могучий и храбрый воин среди всех троянцев. Следующий за ним был Эней, сын Анхиза и богини Афродиты, царь Дардании, близ горы Иды. Среди союзников троянских выдавались ликийские цари Сарпедон, сын царя богов Зевса от смертной женщины, и Главк, его двоюродный брат. Прекрасным стрелком из лука был Парис, похититель Елены; он убил стрелами много ахейских героев, в их числе и самого Ахиллеса. Выдающимся стрелком из лука был и его брат Пандар.

В войне деятельное и страстное участие принимали также верховные боги. Они населяли снежную гору Олимп к северу от Греции и потому назывались олимпийскими. Одни боги стояли за ахейцев, другие за троянцев. Сторону ахейцев держали, конечно, Гера, жена царя богов Зевса, и богиня мудрости Паллада Афина, обе жестоко обиженные приговором Париса. За ахейцев были бог моря Посейдон, брат Зевса, Земли Колебатель; «благодавец» Гермес, посланник богов, бог торговцев и воров; Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня, искусный мастер-кузнец, хромающий

